

Юрий Оклянский

ЗЯТЬ ВЛАДЫКИ

Семейный детектив

О герое и жанре

Ад-жу-бей... Уху неосведомленного современного человека в этой фамилии слышится даже что-то турецкое. Иные ученые-востоковеды склонны считать, что фамилия эта восходит к двум корневым восточным словам: «хаджи» и «бей», то есть богатый человек, совершивший паломничество в Мекку. Может, в брызгах далекой авантюрной истории, связанной с Запорожской Сечью, с его предками что-то подобное и случилось. Только был он чистопородным славянином русско-украинского замеса с добавкой казацких кровей. И биография его также полна неожиданных поворотов, взлетов, карьерных орлиных парений и падений в бездну.

Наш герой был зятем одного из главных коммунистических вождей и реформаторов минувшего столетия Никиты Сергеевича Хрущёва, но его широкая известность в неменьшей степени основана на личных делах и талантах. В сфере печатной прессы он был человеком такого же масштаба и новаторского размаха, каким до него в советские 30-е годы был, скажем, Михаил Кольцов, а еще ранее, в дореволюционную императорскую эпоху, Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912), которого профессионалы именуют иногда отцом русской журналистики.

О жизни и делах Аджубея-журналиста в наше время существует и продолжает множиться обширная литература. Набор диссертаций, научных публикаций, мемуаров и т.п. «Журналист на все времена»... Так именует Аджубея один из исследователей. «Алексей Иванович Аджубей, — вторит другой автор, — можно сказать без преувеличения, легендарная фигура, знаменующая собой целую эпоху...» «Король журналистики»!

Оклянский Юрий Михайлович — автор исторических биографий и документальной прозы, постоянный автор «Дружбы народов». Среди выпущенных им почти трех десятков книг — «Федин. ЖЗЛ» (1986), «Юрий Трифонов. Портрет-воспоминание» (1987), «Дом на угоре. О Фёдоре Абрамове и его книгах» (1990), «Роман с тираном (И.В.Сталин — П.Л.Капица, И.Г.Эренбург и др.)» (1994), «Гарем Бертольта Брехта. Роман-расследование» (1996), «Бурбонская лилия графа Алексея Толстого. Четвертая жена» (2007), «Беспутный классик и Кентавр. А.Н.Толстой и П.Л.Капица» (2009), «Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева» (2015), «Праведник среди камнепада. Биографические детективы» (2016), а также Собрание сочинений в двух томах (1997). «ДН» публикует фрагменты из его новой книги.

Главная заслуга Аджубея в том, что он если и не сломал вовсе, то повалил некоторые казенные сталинские заборы, отгораживающие печатные издания от жизни, частично рассеял миражи выдумок, демагогических разглагольствований и лжи. Создал новые механизмы для осуществления своих установок и принципов.

Журналисты, долгое время работавшие с Аджубеем, усвоили свод правил, на которых главный редактор воспитывал коллектив и исполнения коих добивался. Смелый путепроходец и искатель истины Леонид Шинкарёв, более тридцати лет проработавший собственным корреспондентом «Известий» в Сибири и за границей, сформулировал некоторые из этих аджубеевских принципов, главный из которых — «защитить маленького человека», а он ведь он же — и массовый читатель. Редактор Аджубей огромное значение придавал читательским письмам, приходившим в газету.

«В редакционном отделе писем, — пишет Шинкарёв, — трудились 40 человек (неслыханно много!), в газете было 90 рубрик по письмам читателей, в крупных городах были открыты общественные приемные газеты «Известия». Принципы, которым следовал Аджубей:

- газета должна быть собеседником своих читателей;
- необходимо слушать и слышать, о чем спорят и говорят на улице, угадывать, что происходит». В особенности он ориентировался на интеллигенцию.

Многие годы Аджубей проработал в «Комсомольской правде», пройдя путь от репортера на побегушках до главного редактора (в этом ранге до мая 1959 года). Но вершина его славы и мастерства связана с «Известиями». Сухую правительственную газету в лучших и образцовых ее выступлениях Аджубей сумел сделать голосом улицы, рупором массовых интересов.

При Аджубее не без соглашательства, вихляний и отступлений «Известия» стали знаменосцем в разоблачении сталинизма в разных сферах и духовным проводником демократизации в стране. К моменту его прихода в правительственную газету (1959) тираж «Известий» не превышал 800 тысяч. А когда осенью 1964 года вслед за падением Хрущёва партийный пленум ЦК изгонял его из своей среды, тираж этого издания составлял 9 миллионов экземпляров. Рост более чем в десять раз!

Аджубей прослыл первейшим реформатором и преобразователем послесталинской журналистики. Правительственная газета при нем стала одним из глашатаев и символов вольнолюбивых устремлений новой эпохи. Причем для этого использовались разнообразные пути и возможности. Аджубей создал при «Известиях» широко читаемое и полюбившееся воскресное приложение «Неделя» с тиражом в миллион экземпляров. Основал популярный журнал «За рубежом». Наконец, он создал в СССР Союз журналистов, а такого профессионального объединения не было никогда... И начиналось это братство со страниц «Комсомольской правды» и «Известий», где работали такие замечательные журналисты, как смелый экономист-аграрник Геннадий Лисичкин, природовед Василий Песков, мужественные толкователи нравственных и экономических проблем Анатолий Аграновский, Любовь Иванова, Ольга Кучкина, Леонид Шинкарёв, Александр Васинский, Дмитрий Мамлеев, журналисты-организаторы Михаил Хитров, Анатолий Друзенко и Игорь Голембиовский, международники Станислав Кондрашов и Мэлор Стура, толкователи искусств Андрей Золотов, Нателла Лордкипанидзе, Нинель Исмаилова и многие другие.

Вот отчего даже через 20 с лишним лет насильственного вытравливания его памяти в послехрущевские и неосталинистские времена люди, которые близко его знали и работали с ним, этого не забыли.

...Весной 1987 года, когда в Государственном Кремлевском Дворце отмечалось 70-летие газеты «Известия», весь зал неожиданно разразился долгими бурными аплодисментами. Причем не в минуту, когда на сцену в президиум чинно входили члены правящего «перестроечного» руководства страны эпохи Горбачёва.

Рукоплескания звучали в тот момент обычные, скорее, ритуальные. Но вдруг их градус неожиданно возрос во много крат, обретя неофициальную страсть.

Присутствующие в зале ломаными рядами принялись вставать. Это произошло в то время, когда в конце шеренги поднимавшихся по ступенькам в президиум показался неуверенно бредущий опальный бывший редактор Аджубей, пребывавший в нетях и забвении двадцать с лишним лет. Его ценили, его ждали. И момент настал...

Этот шквал радости, этот бурный прием, как и многое в тогдашней «перестройке», все же не являлись полным торжеством истины.

Алексей Иванович Аджубей не менее, чем журналистской деятельностью, интересен историей своей жизни. Личностью, биографией, судьбой.

Был ли Аджубей всегда тем, за кого себя выдавал? Может, он не только радеть свободы и истины на газетных полосах, но и по житейско-деловым связям скрытый давний сообщник карательных органов, ближайший друг и приятель их предводителей, тогдашнего КГБ?..

А что если он не только зять Хрущёва, ближайший его сотрудник, получивший от него все почести и звания, какие только возможны, но и в некоторых обстоятельствах молчаливый предатель, расчетливый созерцатель дворцового переворота, человек, всем другим союзам предпочтивший тот, который выгоден ему самому в данный момент, а в результате завуалированный союзник тех, кто этот переворот совершал? Их пособник?

Исторический курьез состоит в том, что Аджубей был выпестован и на вершину карьеры возведен тем владыкой страны, кого ниспровергли.

Но зять — это не просто обозначение родственных отношений. В определенных обстоятельствах — и место данного человека в общественной иерархии, даже мета судьбы. Ты — зять в этой жизни, это — главное в тебе: что бы ты ни делал, как бы ни трепыхался, по обозначению древней поговорки, — как бы ни пытался вылезть из этой шкуры и сесть рядом.

А он и по натуре был *зять*, хитрован и игрок с судьбой.

Аджубей — человек из народа, прибывший в столицу из дальних пределов, волей случая, а также собственными талантом и изворотливостью пробившийся в правящие верхи. В результате он интересен не только тем, что сделал в журналистике. Но не в меньшей степени — психологически и сюжетно — зигзагами закулисного верхолазства. Как шел по жизненным тропам и делал карьеру. С одной стороны, вроде бы свободолобивый либерал, а с другой — прожженный делец и циник, первый магнат послесталинских mass-media.

Так что возьмемся за изложение событий, за честную последовательность рассказа.

Тем более что с Алексеем Ивановичем Аджубеем мне довелось и лично встречаться на самых разных поворотах этой странной и драматической судьбы.

Две однокурсницы — выбор судьбы

В пору, когда наш герой сделал свой стремительный любовный выбор, ему едва исполнилось 25 лет. Студенты-журналисты, искусствоведы и языковеды в то время учились на разных отделениях единого филологического факультета МГУ. Отдельного факультета журналистики в университете в ту пору еще не существовало. Начинаящая искусствовед и актриса Ирина и журналистка Рада учились на одном курсе с Алексеем. Так что для мало осведомленного наблюдателя все выглядело если и не совсем невинно, то все же благопристойно — как выбор влюбчивого и, может быть, непоследовательного в пылкости чувств студента между двумя однокурсницами.

Алексей Иванович Аджубей, журналист-старшекурсник филологического факультета Московского университета (на котором учился и я) неожиданно для многих, а отчасти, может, даже для самого себя сделал вдруг головокружительный личный кульбит. Внезапно оставил свою уже затвердившуюся в дружеском восприятии красавицу-супругу Ирину Скобцеву, будущую знаменитую актрису кино и театра.

Согласно научному систематизатору дат биографии нашего героя Ф.Вергасову, брачные отношения связывали эту пару по крайней мере с 1945 года. Во всяком случае с той поры, когда Алексей поступил в актерскую школу-студию МХАТ, учеба в которой заняла два года. Театр издавна интересовал и его юную супругу. И жили они до этого вроде бы красиво и счастливо.

Вместе с Аджубеем школу-студию кончали будущие театральные знаменитости Михаил Козаков и Олег Ефремов. Особенно близкие отношения сложились у Алексея с Ефремовым. У того был гражданственный публицистический талант, актер в его понимании был не просто лицедеем, а перелицовщиком и устройтеем мира. Так понимал он и верность актерскому призванию. «Однажды на первом курсе, — вспоминает Аджубей, — когда мы играли бессловесные этюды (для драматического актера это такое же нудное занятие, как гаммы для пианиста), Олег оттащил меня в потаенный уголок, сунул в руку какую-то бумажку и сказал: "Читай и, если хочешь, подпиши". Бумажка содержала клятву верности актерскому братству, верности профессии и ее высокому предназначению. Заметив, что я медлю, добавил: "Но только кровью", — и протянул мне лезвие бритвы».

Пролилась ли тогда ритуальная кровь, неизвестно. Но клятву верности высокому театально-актерскому братству мемуарист, в момент второго брачного выбора, явно не сдержал.

В современной биографии актрисы, а тогда молодой брошенной супруги, о том же событии читаем: «Еще обучаясь в МГУ, Ирина Скобцева познакомилась со студентом факультета (? — Ю.О.) журналистики Алексеем Аджубеем, который до этого вуза уже получил театральное образование. В 1945 году они расписались и прожили вместе 4 года. В 1949 году Аджубей подал на развод, так как познакомился с Радой Хрущёвой...»

Студентка искусствоведческого отделения Ирина Скобцева в тот момент не только переживала внезапно обрушившийся удар. Приходя в себя, тоже как-то вглядывалась в свою будущую судьбу. А там талантливой актрисе в прожекторах и огнях рампы радужно засветилось впоследствии многое: и знаменитый муж — режиссер Сергей Бондарчук, и ведущие женские роли в фильмах «Война и мир», «Отелло», «Поединок», «Тихий Дон», да звание народной артистки РСФСР, в конце концов. И завидная карьера, и долгая жизнь.

А Алексей Аджубей, высокий, ладный, голубоглазый, русоволосый красавец, в недавнем прошлом солист ансамбля песни и пляски НКВД и выпускник актерской студии МХАТ, то есть оформившийся актер, стремглав женился на другой. На вид и внешность ничем не примечательной и, как казалось, ничем не выделявшейся из средней девичьей массовки за исключением разве тени от отцовской фамилии. Скромной, низенькой, веснушчатой, 20-летней, однако же волевой, умной и смекалистой дочери долголетнего правителя Украины, а через какие-то недели — нового московского партийного градоначальника Раде Никитичне Хрущёвой.

Ирина Скобцева и Рада Хрущёва, помимо личных качеств, отличались еще и тем, что принадлежали к разным мирам. Если в одном случае перед молодым человеком маячили обманчивые миражи искусства, то в другом — грезилась развороты большой государственной политики, распахнутые пейзажи жизни во всей их полноте, бескрайние перспективы, достойные зрелого мужчины. Правда, как тут обстояло дело с любовью к женщине, сказать не берусь. Ради удалого жизненного размаха, видимо, чем-то

стоило поступиться. Алексей, пересилив себя, избрал путь, может быть, более головоломный и трудный.

Именно тогда в студенческой среде родилась поговорка: «Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей». А сам герой заполучил впоследствии колючее прозвище — «Околорадский жук».

В жизненных решениях, которые принимал Аджубей в молодые годы и начале карьеры, важное, а иногда, возможно, решающее слово принадлежало матери Алексея. Нина Матвеевна Гупало была необыкновенная женщина. Ее ремесло и портняжная должность звучали достаточно скромно — закройщица кремлевского спецателье, но в действительности ателье это состояло на балансе КГБ и входило в его бытовые структуры.

Первым мужем Нины Матвеевны был знаменитый в свое время драматический тенор Иван Савельевич Аджубей, принявший сценический псевдоним Войтенко. До революции он пел в Мариинской опере вместе с Шаляпиным и Собиновым. Об этом в советские годы в жилище отца Алексею напомнила висевшая на стене фотография, где хозяин квартиры представлен был в театральном костюме в обнимку с Фёдором Шаляпиным. Под снимком — грубоватый автограф: «Ивану-гвоздиле от собрата Фёдора».

У отца с матерью была общность судеб, вызывавшая одновременно тяготение и отталкивание. Иван-гвоздила (как и будущая чудо-портниха Нина) был самородком-выдвиженцем. Крестьянский мальчик из бедной украинско-казацкой семьи, блиставший в сельском церковном хоре, в свое время стараниями сердобольной и знавшей толк в пении помещицы был устроен «казеннокоштным» студентом в Петербургскую консерваторию. Блестяще дебютировал на оперной сцене. Пошел бы, наверное, очень далеко, если бы не вынужденное участие в империалистической и Гражданской войнах и тяжкие ранения, особенно то, что повредило горло и исключило дальнейшее солирование на оперной сцене.

Нина Гупало была молоденькой сестрой милосердия в госпитале, в далеком узбекском Самарканде, когда туда поступил пострадавший от ран Иван Аджубей. Между молодыми людьми вспыхнул лазаретный роман. В 1924 году у них родился сын Алексей. В 1926 году его родители расстались, так что Алексей видел отца всего два или три раза в жизни.

Иван Савельевич из-за горлового ранения, как уже сказано, на оперной сцене больше не выступал. Но в качестве консерваторского преподавателя был наставником многих выдающихся оперных певцов в Ленинграде. Например, — учителем знаменитого баритона Павла Лисициана, выезжавшего к нему в город на Неве и проживавшего позже, кстати, в одном московском доме с Радой и Алексеем.

Нина Матвеевна вскоре после разрыва с Иваном Савельевичем вышла замуж за юриста Михаила Ганеева. Отчим стал внимательным и заботливым отцом для Алёши. Но в 1932 году отчим скончался. Из Самарканда мать сумела в начале 30-х годов собственными силами перебраться в Москву и выдвинуться в число лучших закройщиц-модельеров столицы. Жила с сыном поначалу в комнатке тесной коммунальной квартиры, где Алёша спал на столе.

Мастерица, она знала тайны голого женского тела, знала, как подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки. Женская страсть и сила под нарядами, а наряды — как у птиц: только оперение страсти. Она умела подчеркнуть главное и знала, что является вторичным. Изошренная художница нарядов, Нина Матвеевна по-житейски была трезвой материалисткой. Не оттого ли в руки ей шла удача, и от нее отскакивали беды?

Из никому не известной самаркандской медсестры Нина Матвеевна с годами сумела превратиться в ворожею кремлевской красоты. Своим искусством кройки-

шитья и дипломатией житейского обхождения (тоже ведь своего рода виртуозность кройки-шитья!) сумела войти в круг высшей женской кремлевской элиты.

Вспоминает Нами Микоян, невестка одного из высших советских руководителей Анастаса Микояна: «Самое "закрытое" и самое престижное было ателье КГБ на Кутузовском проспекте, так называемое ателье Легнера. Легнер — личный портной Сталина, шил ему знаменитые воензированные френчи. В этом же ателье одевались некоторые женщины из семей членов правительства. Обшивала их одна из лучших портних Москвы Нина Матвеевна Гупало, мать журналиста Аджубея, будущего зятя Хрущёва».

В книге, откуда взяты эти сведения, немало еще бытовых деталей, придающих радужную расцветку теме. В сталинские времена, когда партийным главой Москвы состоял Н.С.Хрущёв, вторым секретарем горкома была молодая Екатерина Фурцева. Говорят, что обоих партийных секретарей связывали не только чисто деловые отношения. Смазливая и симпатичная Екатерина Алексеевна даже носила тогда обидную и скабрзную кличку «Никитские ворота». Будущая «Екатерина Третья» (позднейшее, на сей раз уже возвеличивающее прозвище), Фурцева в те ранние годы тоже разнообразила свой гардероб в этом ателье, хотя одновременно широко использовала молодого модельера Славу Зайцева и других мастеров внешнего блеска...

Нина Матвеевна Гупало умела не только искусно шить, но находить житейские и душевные подходы, терпеливо выслушивать своих клиенток, устанавливать близкие отношения с ними, какими бы разными те ни были. Так что постоянными ее приятельницами по искусству внешнего преображения одинаково были и Нина Теймуразовна Берия, супруга наркома НКВД Лаврентия Берии, и Елена Сергеевна Булгакова, верная спутница знаменитого опального писателя Михаила Булгакова, киноактриса Марина Алексеевна Ладынина (главная героиня в популярном фильме «Свинарка и пастух») и даже дочь Сталина Светлана. И эти постигнутые из портновского ремесла секреты земного существования Нина Матвеевна стремилась внушить и передать единственному любимому сыну.

В своих мемуарах «Те десять лет» об этом то невольно проговаривается, то подробно повествует сам А.И.Аджубей: «Моя мать, Нина Матвеевна Гупало, считалась одной из лучших закройщиц-модельеров, одеваться у нее мечтали многие женщины... Знала мою мать и Светлана Сталина. Видимо, ее отцу нравилось, как одевается дочь. Однажды он увидел на ней платье не по возрасту и сказал: "Что это ты так обтянулась? Носи то, что шьет Гупало, а это сними"... Так писала сама Светлана».

Во время войны Нина Матвеевна озаботилась, чтобы ее единственный сын не пал смертью храбрых на фронте, даже если это война Отечественная. Вначале Аджубей волей неотложных производственных исканий оказался в дальней среднеазиатской геологической экспедиции, а следующие военные годы провел в ансамбле песни и пляски НКВД. «От армии откосил» — констатирует в своей биографической летописи жизни нашего героя исследователь Ф.Вергасов.

Еще до окончательного судьбоносного выбора, сделанного бывшим танцором, актером, ныне журналистом между двумя молодыми женщинами, прозорливая и деловитая модельерша исподволь стала прилагать старания к тому, чтобы у сына налаживались контакты с «золотой» кремлевской молодежью. Впрочем, наставлять и уговаривать Алексея долго, видимо, не требовалось. Он и сам рано научился соображать, кто, куда и откуда. Тут усилия матери и сына сливались воедино.

Нина Матвеевна старалась обеспечить Алексею завидное и прочное будущее. Особенно подходящей фигурой для такого устройства ей представлялась жена Берии. Действительно, Нина Теймуразовна Берия сама по себе была личностью значительной и незаурядной — агрохимик, кандидат наук. Да и сын ее Серго Лаврентьевич, близкого

к Алексею возраста, тоже был человек необычный, редкостная смесь ученого и разведчика.

Так уже в 1947 году Алексей оказался в особняке Берии, на дружеской свадебной помолвке Серго с красавицей Марфой Пешковой, внучкой Горького. На этом семейном торжестве собрался весь цвет молодой советской аристократии, особенно, конечно, связанной с правящими партийно-советскими верхами, тайными службами и светилами придворных искусств. Достаточно сказать, что Марфа, по образованию архитектор, была ближайшей подругой Светланы Сталиной. Все десять школьных лет сидели за одной партой. А уж дочь вождя народов, клиентка матери Аджубея, была душой застольных компаний.

Зачем оказался в этой компании недавний танцор и начинающий актер двадцати трех лет отроду? Оглядеться и приохотиться? Чтобы пойти по следам симпатичного, умного, а главное, удачливого Серго, хозяина жизни и покорителя красивых женщин?.. Или на это достаточно интимное торжество его забросила простая случайность?

Через десяток с небольшим лет Аджубей станет главой советской журналистики. На этом новом биографическом витке воля обстоятельств и близкие отношения, включая «дружбу домами», свяжут его с главным руководителем КГБ А.Н.Шелепиным («Железным Шуриком») и его другом-соратником В.Е.Семичастным. Эпоха и лица, конечно, совсем другие. Но повторяемость влечений и вектор приложения сил те же. Причем основы такой *службы-дружбы* солиста ансамбля песни и пляски МВД во всех случаях закладывались давно и уходят в туманную даль.

Искал ли он связи со спецслужбами, числился ли в их составе или они каждый раз заново подбирали ключик и использовали его сами? За формальности не поручимся. Да они, возможно, не так уж и важны, когда речь идет о человеке, столь близком к первому лицу государства. Скорей всего, это были какие-то взаимно установившиеся отношения. Но так или иначе без самых тесных взаимодействий и контактов со спецслужбами дело не обходилось.

Оттепель и КГБ

«Судьбоносными» поступки потому и зовутся, что имеют предысторию и подосновой глубины человеческой природы и упрятанные в настоящем пружины будущего — судьбу.

Но сначала об «оттепелях». При диктаторских режимах они не только благостны, но и неизбежны. Диктаторская механика когда-нибудь, хотя бы на малый срок, должна уступить человечности. Иначе государственные структуры развалятся, а люди превратятся в стада диких обезьян. В послереволюционной истории России десятилетие правления Н.С.Хрущёва было второй по счету «оттепелью». Первой, как известно, слегка уступающей ей по продолжительности, был объявленный при Ленине НЭП — Новая Экономическая Политика.

Итак, «оттепель» — это своего рода историческая уступка верхнего класса, правящего слоя, элиты реальному положению и низам, а то даже и возвращение на развилку исторических дорог, с которой жизнь страны и народа может пойти совсем по другому пути.

Интересно и вдумчиво рассуждает на эту тему в своей книге «Никита Хрущёв. Реформатор. Трилогия об отце» (М., 2010) ее долголетний автор — ученый и политик Сергей Хрущёв. «Общепризнано, — пишет он, — что Хрущёвский ренессанс ознаменовался повестью Ильи Эренбурга "Оттепель", напечатанной в майском номере журнала "Знамя", а в октябре 1954 года вышедшей тоненькой, 140-страничной, книжицей. С легкой руки Эренбурга оттепелью стали называть всё десятилетие

реформаторства Хрущёва, период его нахождения у власти, с 1953 по 1964 год. Не могу сказать, знал ли сам Эренбург, человек эрудированный и начитанный, что своей "Оттепелью" он вторил поэту Фёдору Ивановичу Тютчеву, обратившемуся в XIX веке с тем же определением к другому реформатору, царю-освободителю Александру II. Вот только "оттепель" Тютчева не прижилась в истории, не выдержала заморозков царствования Александра III и Николая II, а "оттепель" Эренбурга в людской памяти укоренилась.

О чем пишет Эренбург в той повести, сейчас мало кто помнит, ее сюжет целиком растворился в заглавии... Наверное потому, что содержательного в ней практически и не было. Скорее всего, автор, мастер аллегорий, так и задумывал... Воистину Эренбург не только литератор, но и отменный политик. Попал в самую точку, сказал слова, которые все ждали».

Хрущёв был груб, неотесан, невежественен и жесток во многих своих делах и затеях. Но он искренне верил в то, ради чего жил. Летчик Леонид Никитич, его сын, погиб в воздушном бою на фронте.

Хрущёв был человек, стоявший обеими ногами на земле, призраков он не любил. Поэтому неопределенное слово «оттепель» его раздражало. Во всех случаях главный побудитель и творец *Оттепели*, тогдашний партийный вождь, резко отрицательно относился к такому прозванию творимой им эпохи. На встрече с деятелями литературы и искусства весной 1963 года в Москве, именовавшейся, как и все остальное, исторической, Хрущёв обрушился в этом настрое на автора романа «Оттепель».

Адепты брежневского застоя впоследствии ругали Хрущёва за волонтаризм и прожектерство, за то, что он, «кукурузник», бросил пустой вызов могущественной Америке и намеревался построить основы коммунизма к 1980 году. Но прожектером был не только этот невежественный и неотесанный, однако же, полный многих добрых намерений, наделенный практической хваткой и сообразивкой половинчатый реформатор. Величайшим иллюзионистом было само Время.

После мучительно долгих десятилетий сталинской тирании и зашнурованного существования страна пробуждалась и нащупывала дорогу к новой жизни. И действительно — многое было сделано. От освобождения из-за колючей проволоки и надзора карательных комендатур миллионов политических заключенных, бывших военнопленных, возврата в родные места «ссыльных народов» (целых народов, подумать только!) до возвращения паспортов и гражданских прав колхозникам, отмены самых драконовских трудовых ограничений, сокращения на миллион двести тысяч человек непомерно раздутой армии, массового строительства жилья, сборных щитовых пятиэтажек, так называемых «хрущоб», где ощутили себя тем не менее людьми миллионы простых тружеников и т. д. Добавим сюда начало переговоров с Западом и достижение первых реальных соглашений о сокращении испытаний ядерного оружия и предотвращении атомной гибели...

«Статистика неопровержимо доказывает, — пишет биограф многих послесталинских правителей страны Леонид Млечин, — десять лет, когда страной управлял Хрущёв, — были лучшими в советской истории. Вторая половина пятидесятых — время феноменальных достижений советской экономики. А дальше началось затухание экономического роста (выделено мной. — Ю.О.).

И вот главное доказательство успешности развития страны при Хрущёве. В начале XX века ожидаемая продолжительность жизни в России была на пятнадцать лет меньше, чем в Соединенных Штатах. В конце пятидесятых, при Хрущёве, произошел столь быстрый подъем продолжительности жизни, что разрыв с Соединенными Штатами был почти полностью ликвидирован! А после Хрущёва, при Брежневе, началось снижение продолжительности жизни у мужчин, и разрыв стал быстро нарастать...»

Хрущёва, в площадной простоте получившего прозвище «Микита-кукурузник», однообразным примитивом мог считать только тот, кто плохо его знал. Напротив, это был человек, который, разыгрывая рвущуюся из груди искренность, способен был менять маски на глазах. При малом образовании, но природном уме и опыте жизни в нем жила и постоянно давала о себе знать давняя крестьянская закваска. Примитивизм слов и выражений помогал ему существовать и добиваться своего.

Самоупоен, мудр и жесток — таким чуть ли не одновременно умел быть Хрущёв. Хрущёв не сдержал слез, когда его в октябре 1964 года смещали на расширенном Президиуме ЦК его же собственные вчерашние выдвиженцы, питомцы, ученики и холуи. А ведь этот же человек беспощадно разгромил своих соратников по правящей четверке, которая образовалась и стала во главе страны сразу после смерти Сталина (по ряду убедительных аргументов распространенной версии — его отравления по сговору внутри той же четверки), оставив из нее только одного человека — самого себя.

По словам мемуариста Аджубея, со слезами горя на лице он видел Хрущёва только три раза: «В дни смерти Сталина, смерти сестры — Ирины Сергеевны и в феврале 60-го, когда Хрущёв узнал о кончине Курчатова», академика-атомщика, с которым у него поддерживались особо доверительные, хотя и неровные, противоречивые, отношения.

Мартовские иды — помню, так назвал дни болезни, смерти и похорон Сталина мой старший друг и студенческий сокурсник бывший фронтовой летчик Артём Анфиногенов.

Рассказывать о том, что представляла собой переполненная людским морем и рвущимися день и ночь к мистической цели людскими толпами Москва в дни похорон Сталина, особо, наверное, не нужно. Это известно. В Колонном зале Дома Союзов стоял гроб с телом почившего вождя. И туда со всех сторон тянулись неустанные людские потоки. Сколько было физически передавлено и погребено при этом народу — точные данные так и не опубликованы.

Я лично попал в Колонный зал Дома Союзов, к гробу Сталина, через метрополитен с конечной станцией «Охотный ряд», только потому, что мой друг и сосед по комнате в университетском студенческом общежитии на Стромынке учившийся у нас румын Марио Дуце, в прошлом деревенский батрак, дал мне на время свой румынский паспорт, серое заграничное румынское пальто и шапку. И напутствовал: «Только ничего не говори! Молчи!» По иностранным же паспортам милиция пропускала пассажиров на выход из метро беспрепятственно. А от «Охотного ряда» до входа в Колонный зал очередь была уже короткая, может быть, только часа в два ожидания...

О вздернутом психозе тех дней, когда было объявлено о безнадежной болезни, а затем и о смерти И.В.Сталина (5 марта 1953 года), пишет и Аджубей в своей мемуарной книге: «В дни дежурства у постели умирающего Сталина (он делил это дежурство с Булганиным) домой Никита Сергеевич приезжал всего на несколько часов, осунувшийся, почерневший, мало говорил, вновь уезжал в Волынское. В траурной толпе потерялись и пропадали чуть ли не сутки его сын (Сергей Хрущёв. — Ю.О.) и младшая дочь — потрясенные случившимся и рвавшиеся в Колонный зал, чтобы проститься с вождем. В один из дней Никита Сергеевич взял с собой Раду, и она, оставив грудного ребенка, до ночи пробыла у гроба, не имея сил уйти. В последние траурные минуты Хрущёв плакал, как и многие другие, и не стеснялся своих слез».

Насчет оплакивания Хрущёвым Сталина в дни его смерти в своих мемуарах Аджубей либо хитрит и нарочно говорит неправду, либо чего-то сильно недоговаривает.

Теперь, впрочем, известно — что. Несчастье со Сталиным случилось в ночь с 28 февраля, а умер он 5 марта 1953 года. Хрущёв входил в эти дни в четверку главных руководителей страны, которые имели постоянный доступ к умирающему и держали

в руках управление государством. Это были Предсовмина Г.М.Маленков, фактический глава спецслужб Л.П.Берия, министр обороны Н.А.Булганин и превращавшийся в главного партийного вождя Н.С.Хрущёв.

В чрезвычайной обстановке они действовали согласованно по единой общей договоренности, даже когда поступки, казалось бы, кричаще противоречили здравому смыслу. Все четверо, например, как точно известно теперь, не приезжали много часов на дачу Сталина, зная из телефонного сообщения охраны, что вождь после совместного ужина — посиделок в ночь с 28 февраля — находится без сознания, часть ночи валялся на полу, обмочившись даже. Все вместе, четверка главных преемников, появились на сталинской даче лишь к *позднему вечеру следующего дня*. Постояв у лежащего на диване, куда его перетащила охрана, сраженного недугом тяжело дышавшего и находившегося без сознания 74-летнего старика, прибывшие беспрекословно доверились фальшивому и якобы заботливому увещеванию Берии: «Товарищ Сталин спит!» Чуть не на цыпочках, как от зыбки малого дитяти, удалились. Разъехались на своих машинах и еще на несколько часов оставили находившегося в критическом состоянии больного без врачебной помощи.

В последующие дни высокая четверка одинаково и более чем странным образом реагировала на устное и письменное авторитетное заключение профессора медицины Русакова, участвовавшего во вскрытии тела покойного, что товарищ Сталин отравлен цианидами и, очевидно, синильной кислотой. Сам этот врач после сделанного им чрезвычайного заявления (по стечению обстоятельств письменный текст уцелел в архивах) через три дня внезапно и беспричинно умер.

Короче говоря, все четверо тогдашних высших правителя государства по разным побуждениям и мотивам не собирались усердствовать в борьбе за жизнь и скорейшее выздоровление вождя. Судя по всему, напротив, жаждали скорейшего его отбытия в иные пределы. Обо всех этих событийных деталях в настоящее время имеются подробные и доказательные публикации и документальные свидетельства.

Обстоятельные разыскания событий в дни последней болезни и смерти Сталина специально проводил заместитель Председателя Совета министров России ельцинской поры Михаил Полторанин... Есть свидетельства о происходившем ближайшего многолетнего спутника и соратника вождя В.М.Молотова, непосредственно наблюдавшего в эти дни атмосферу болезни и кончины вождя. Существует серьезная аналитическая книга историка и писателя А.Авторханова «Загадка смерти Сталина (заговор Берия)», вышедшая на Западе еще в 1976 году и опубликованная в России в 1992 году. По общему тону и выводам документальных источников, события, начавшиеся в ночь на 1 марта 1953 года, по праву именуются *февральским переворотом*.

Ограничусь выдержками из книги писателя-документалиста Ф.Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (М., 1991). Феликс Чуев собрал и обобщил записи почти десяти лет личных встреч с героем.

В.М.Молотов, как известно, — большевистский ветеран, еще до революции друживший со Сталиным, более тридцати лет проработавший рядом с ним на высоких государственных постах вплоть до зам. Предсовмина, министра иностранных дел и т.д. Один из немногих, кто говорил Сталину «ты». В последние годы, правда, впавший в немилость из-за арестованной жены — видного члена Еврейского антифашистского комитета Полины Жемчужиной. На XIX съезде партии по указке вождя он оставался за пределами Политбюро, но тем не менее по-прежнему входил в высшие руководящие органы КПСС и продолжал встречаться со Сталиным и главной четверкой его соратников, которые в той или иной мере оказались пособниками ликвидации вождя, если и не прямыми исполнителями его убийства.

Возможность последнего отчасти открывается даже из изложения событий самим Хрущёвым, сделанного им однажды в минуту откровенности. Послушаем

Вячеслава Михайловича: «Хрущёв рассказывал ...свою версию смерти Сталина. Сталин пригласил четверку (Маленкова, Берия, Булганина и Хрущёва. — Ю. О.) к себе на дачу. В субботу (28 февраля) было застолье, а в воскресенье он не позвонил. В понедельник начальник охраны сообщил о его болезни. «Четверка» приехала на дачу, но они не стали вызывать врачей/.../ и разъехались по домам. Врачей вызвали только тогда, когда стало ясно, что он в безнадежном состоянии. Врачи опоздали якобы из-за гололедицы на дорогах...

Сталин провел основную часть своей жизни на кунцевской даче. Там и умер. В последние его дни я был некоторым образом в опале... Сталина я видел за четыре-пять недель до его смерти. Он был вполне здоров. Когда он заболел, меня вызвали. Я приехал на дачу, там были члены Бюро. Из не членов Бюро, по-моему, только меня и Микояна вызвали. Командовал Берия.

Сталин лежал на диване. Глаза закрыты. Иногда он открывал их и пытался что-то говорить, но сознание к нему так и не вернулось. Когда он пытался говорить, к нему подбегал Берия и целовал его руку.

— Не отравили ли Сталина?

— Возможно. Но кто теперь это докажет?

Лечили хорошие врачи. Лукомский — хороший терапевт. Тареев... Всегда дежурил кто-нибудь из членов Бюро. Я тоже дежурил.

Вот когда он умер, тут все и началось. 22.04.1970».

«Несколько раз выяснял я у Молотова, — комментирует Чуев, — подробности смерти Сталина. Помню, гуляли в лесу, и ничего толком не добившись, я задал явно провокационный вопрос:

— Говорят, его убил сам Берия?

— Зачем же Берия? Мог чекист или врач, — ответил Молотов. — Когда он умирал, были моменты/.../ Казалось, что начинает приходить в себя. Вот тогда Берия держался Сталина! У-у! Готов был...

Не исключаю, что он приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да я и чувствовал... На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года делал такие намеки... Хотел, видимо, сочувствие мое вызвать. Сказал: "Я его убрал", вроде посодействовал мне. Он, конечно, хотел сделать мое отношение более благоприятным: "Я вас всех спас!" Хрущёв едва ли помог. Он мог догадываться. А возможно... Рассказ бывшего секретаря Компартии Грузии А.Мгеладзе о его встрече с Берией сразу после похорон Сталина. Берия хохотал, крыл Сталина матом: "Корифей науки! Ха-ха-ха". 24.08.1971, 09.06.1976».

Так что о пролитых Хрущёвым слезинках над гробом усопшего в данном случае лучше помолчать.

Скорая судьба Берии известна. Замешанного во многих преступлениях, слабовольного, но самого образованного среди послесталинской четверки Предсовмина СССР Георгия Маленкова, которого Сталин предполагал сделать своим преемником, Хрущёв в июне 1957 года, после разгрома так называемой антипартийной группы, безжалостно сместил и отослал заведовать электростанцией где-то в глубинах Сибири. Николай Булганин, красавец-мужчина, водивший романы с прима-солистками Большого театра в Москве, перебрал, кажется, чуть ли не все высшие чиновные должности при Сталине и Хрущёве. От председателя Госбанка до военного министра, Маршала СССР, председателя Совета Министров страны. Был, можно сказать, другом дома, с детьми которого еще с малых лет дружили хрущевские дети. Но и его Хрущёв безжалостно раскассировал и изгнал со всех высоких постов на скорую пенсию.

Таким при всех его достоинствах и крупных свершениях был учитель Аджубея эпохи «оттепели» — тесть и вождь страны.

Другим воспитателем и учителем не только головы, но и сердца, была мать.

Журналистка Н.Ивановская вспоминает: «Будучи уже /.../ главным редактором "Известий", Алексей Иванович с огромным пиететом относился к матери. Поэтому я представляла его маму этаким Ариной Родионовной — мудрой старушкой, повязанной платочком. Очень была удивлена, когда в первый раз увидела ее. Вошла очень яркая, молодая еще женщина с огромными серьгами-кольцами в ушах. Алексей Иванович с неподдельным уважением вскочил с места, провел ее в комнату и представил, к всеобщему удивлению: "Это моя мама"». С ее помощью главред правительственной газеты немало постиг и достиг.

Но главным поводом предводителя тогдашней массовой газетной журналистики Аджубея была клубящаяся и мчащаяся перед глазами живая жизнь со всеми ее завихрениями, сладостями и обманами. Он хотел понять этот жизненный вихрь, оседлать его и преуспеть в нем. На это наставлял, прищипывал и гнал сотрудников.

Ветераны «Известий» в мемуарном сборнике почти в один голос повторяют, что наиболее излюбленным и часто употребляемым словечком при нем в стенах редакции было слово «командировка». Стараниями главного редактора, напором его на «летучках» и собраниях все пишущие творческие сотрудники делились только на две категории — на приехавших из командировок и уезжавших в них. Газета, как и жизнь, должна быть подвижной, завлекательной и интересной! Даже тягучие будни на газетных страницах должны выглядеть приключением! Так, а не иначе! Езжайте! Вглядитесь, найдите, напишите...

Главный редактор щедро поддерживал многих молодых писателей, художников, актеров. Общался с ними, пригравал их в газете, посылал в командировки, печатал статьи о них. Об этом подробно рассказывает, например, Василий Аксёнов в последней своей книге «Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках» (М., 2009), в пестрых красках воссоздающей эпоху оттепели. Там есть даже специальная глава под названием «Аджубей». Хотя почти все остальные действующие лица выведены под игривыми, часто сатирическими псевдонимами.

В эпоху «оттепели» Аджубей неспроста числился умеренным либералом. В романе подробно описывается, как редактор правительственной газеты, будто добрый гений, ощущая, вероятно, в этом человеке некое духовное родство, неоднократно выручал Аксёнова—Ваксона, спасая его от расправ и профессионального уничтожения... В безвыходных, казалось, ситуациях он открывал ему лазейки спасения — устраивал командировки то на Сахалин, то даже в Аргентину... И сочиненные молодым писателем репортажные отчеты об этих поездках затем со щедрой полнотой печатал в руководимых им «Известиях»...

Но обратимся к повседневной будничной жизни нашего героя. После заключения брака с Радой Хрущёвой многое в его жизни вроде бы упростилось. Молодому человеку уже не требовалось, как прежде, сложными интригами, скажем, через собственную мать и жену Берии, домогаться чьих-то милостей. Деятели партийных органов и тайных служб теперь сами липли к нему и искали сотрудничества.

Особо понадобился, например, Алексей зимой 1953 года во время затеянной небывало крупной антисемитской кампании, которой, как считают, Сталин в последние месяцы жизни намеревался начать насильственное массовое переселение евреев в отдаленные края Сибири и Дальнего Востока.

Аджубея, только год назад окончившего университет и пребывавшего на расхожих посыльных должностях в редакции, однажды запросил в свой кабинет заместитель главного редактора «Комсомольской правды». И выразив даже некие знаки уважительного почтения, как коллега коллеге, предложил ему написать передовую статью о разоблаченной нашими доблестными органами кремлевской группе «врачей-убийц».

Основу арестованной группы составляли высшие медицинские светила страны, в основном евреи по национальности. Такое ответственное задание, дал понять он, поручишь не каждому, требуется высшая степень доверия.

По правилам конспирации Алексея заперли в отдельном кабинете. И вручили большой пакет с сургучными печатями, туго набитый только что полученными с Лубянки документами — фальшивками, как потом оказалось. В своих мемуарах «Те десять лет» Аджубей чистосердечно признается, что статью написал и она была опубликована.

Лиха беда — начало. Статьей о «врачах-убийцах» Лубянка заполучила для себя в «Комсомольской правде», а может быть, и в центральной прессе вообще, надежное перо и проверенного человека для экстраординарных заданий. И в своих мемуарах Аджубей чистосердечно об этом сообщает.

Покаянное признание в продолжение темы о врачах-убийцах выражено так: «И уж на совести моего поколения журналистов такое же бездумное "клеймление" безродных космополитов, вейсманистов-морганистов, лжеученых — кибернетиков, врачей-убийц, Ахматовой, Зощенко, Шостаковича, Прокофьева, Пастернака. К стыду своему, я сам принимал участие *по меньшей мере в пяти таких газетных кампаниях* (выделено мной. — Ю.О.). Ничем себя теперь не оправдаешь, ничего не переменишь...»

Каверзным, но неизбежным, однако, остается вопрос, насколько в таких случаях журналист среднего должностного уровня, пускай даже зять настоящего или завтрашнего владыки, двигался в общем стадном потоке, так сказать, с завязанными глазами, а насколько был одержим личным карьерным угаром. Причем в той степени, когда, как говорится, любая правда-истина побоку.

Приведу достаточно красноречивый эпизод из той же поры работы Аджубея в «Комсомольской правде». Сам автор никогда не отмежевывался от этого своего сочинения, а напротив, в мемуарах выставляет очерк «Огненный тракторист» в качестве особой удачи. Главной документальной фактурой для «Огненного тракториста» между тем послужили фальсификации НКВД первой половины 30-х годов.

Очерк «Огненный тракторист» писался в начальную эпоху освоения целины. Зять в данном случае всеми силами торопился поддержать линию тестя и продемонстрировать такую поддержку.

Партийный прагматик Н.С.Хрущёв на своем высоком посту не утратил еще и значительной доли революционного романтизма. «В 1953 году, когда перед Хрущёвым встали неотложные проблемы снабжения страны хлебом, — читаем в одном из биографических очерков, — он не обратился к опыту НЭПа. Ему близка была идея массового энтузиазма». Хрущёв выбрал звучную и революционную по духу идею — перепахивания и освоения веками нетронутых необъятных целинных земель. Свообразным откликом на целинную эпопею и явился этот опус А.Аджубея в «Комсомольской правде».

В 30—40-е годы в стране широко бытовала легенда об одном из героев коллективизации, зверски убитом кулаками. Помню, покойный мой дядя Саша, покалеченный на войне фронтовик, наигрывая на мандолине, пел популярную в его юности (начало 30-х годов) песню поры первых лет коллективизации: *«Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати...»*

Молоденький Петруша был первым колхозным трактористом в какой-то захолустной зауральской деревушке. За то, что он осмелился сесть за руль и начать работать на пригнанном откуда-то издалека первом колхозном тракторе, местные кулаки жестоко расправились с ним. Сговорившись, однажды подстергли его ночью за деревней, до смерти избили и, облив керосином, подожгли. Кулаков судили, о чем печатали в газетах по всей стране. Присудили к вышке и расстреляли. Местный

сибирский поэт Иван Молчанов под впечатлением газетных сообщений написал о героизме тракториста поэму, стихи из которой вскоре стали песней.

Жизненную подоплеку этой песни уже в послесталинские годы решил расследовать корреспондент «Комсомольской правды» (тогда еще только корреспондент!), которым и был Алексей Аджубей. Он поехал в эту самую зауральскую деревушку. И вот тут, к его удивлению, вдруг оказалось, что тракторист Петруша не погиб. Напротив, жив-здоров, здоровехонек. И если даже и пострадал когда-то от местных кулаков, то совсем каплю. Во всяком случае, никаких следов былых сожжений и даже жестоких побоев на его теле не имелось. Да и о героических событиях своей трактористской юности Петруша вспоминал крайне неохотно. А если уж сильно принуждали, корявыми словами, несвязно пересказывал сюжет поэмы. Работал он мотористом на заправочной станции где-то неподалеку от родной деревни.

О фронтовых своих подвигах, вроде бы не столь давних, за которые тоже имел ордена и медали, также говорил односложно, путано и неясно. Чем отличился в боях? Почему ранее не сгорел? Все это оставалось некоей тайной, о которой почему-то не принято и неудобно расспрашивать. А почему? Отчего? Неудобно и всё.

Вот об этом мужественном неговорливом герое и написал свой очерк «Огненный тракторист» спецкор «Комсомольской правды» Алексей Аджубей. Сходу написал, не задумываясь. Попутный ветер героики целины, запущенный тестем, дул ему в спину. А оглядываться, идти против ветра да еще копать в каких-то окаменевших следах прежних десятилетий ему было не по нраву, да и ни к чему. Гнали задачи дня. Тем более что он располагал, судя по всему, папкой документов, полученных с Лубянки. Все получилось ладненько и кстати.

Очерк не однажды переиздавался. И только уже в наши дни пытливые исследователи доказали, что Петрушу никто никогда до смерти не избивал и не сжигал, разве что стыдобил и ругал, а кулаков, вернее сказать, самых зажиточных и трудолюбивых местных крестьян, обвинили облыжно и расстреляли зря. Словом, перед нами что-то вроде второй легенды о Павлике Морозове. А оживил эту позорную мертвую легенду кровавой поры коллективизации насकोком побывавший здесь зять Хрущёва пряткий корреспондент «Комсомолки» Аджубей...

...Между тем время бежало, и Аджубей уже пятый год работал в «Комсомольской правде».

Перепробовал много разных газетных ролей, должностей и специальностей. Начинал с сочинителя пятистрочных газетных информационных без подписи в качестве стажера спортивного отдела. Дорос до заведующего отделом студенческой молодежи. Был выездным корреспондентом, потом заведующим отделом искусств, пока не добрался наконец до поста заместителя главного редактора.

Отдадим должное тестю. Для всех этих карьерных переползаний и продвижений Хрущёв палец о палец не ударил. Напротив, словно нарочно устроил, для собственной внутренней достоверности, такие многолетние бега. Ему явно хотелось посмотреть, чего стоит его новоприобретенный зять, с чем и как его можно чествовать или кушать. И вот Алексей собственным напрягом талантов и сил достиг высокой и рубежной должности — заместителя главного редактора. Что дальше?

Карьерный червь между тем точил Аджубея.

В мемуарах «Те десять лет» автор по справедливости высоко оценивает Дмитрия Петровича Горюнова, тогдашнего главного редактора «Комсомольской правды», до заместителя которого дорос. Возносит ближайшего начальника до небес и поет ему дифирамбы.

«В "Комсомолке" авторитет главного редактора был непререкаем. Ум, широта интересов, быстрота взглядов снискали Горюнову всеобщее уважение. Дмитрий Петрович был строг, даже в дружеских общениях с подчиненными почти официален,

молодежь побаивалась его гнева... Все знали, что "главный" не злопамятен, способен, если ошибся, изменить свою точку зрения. Он радовался удаче каждого сотрудника — опытного и начинающего, готов был поддержать в трудную минуту, даже если по каким-то обстоятельствам это было тяжело...»

Отмечает Аджубей и гражданственную принципиальность своего начальника: «Горюнов не был покладистым и не спешил говорить вслед за словом "слышу" слово "слушаюсь". Многие сотрудники «Комсомолки» считали его своим учителем».

И чьи же железные зубы лязгнули на горле того же Дмитрия Петровича, когда настал час выбора между собственным продвижением и дальнейшей судьбой этого талантливого и любимого всеми журналиста? Произошло это, когда самому Аджубею через какое-то время (1957 год, восьмой год после судьбоносной женитьбы) представилась возможность взлететь в его кресло — на пост главного редактора.

Новое назначение провел и с ловкой театральностью обставил приятель Аджубея — тогдашний первый секретарь ЦК комсомола А.Н.Шелепин. О том, как это происходило, передает автор биографической книги о нем Л.Млечин: «Руководители комсомола, с которыми он был на "ты", очень быстро поставили Аджубея во главе газеты. С Шелепиным они были друзья-приятели, ездили друг к другу домой.

Его предшественника, главного редактора "Комсомольской правды" Дмитрия Петровича Горюнова, повысив, убрали из редакции, чтобы освободить место Хрущёвскому зятю. Надо сказать, что Горюнов был сильным журналистом, и "Комсомолка" при нем расцвела».

В редакцию приехал первый секретарь ЦК комсомола Александр Николаевич Шелепин, сотрудников собрали в Голубом зале:

«— Состоялось решение ЦК партии, Дмитрий Петрович Горюнов переходит в "Правду"... Кто, по вашему мнению, может стать новым главным редактором газеты?

Журналисты были удивлены таким небывалым демократизмом, главного редактора всегда назначал ЦК.

— Ну что же вы, товарищи, переглядываетесь? Называйте свои кандидатуры, — подбодрил журналистов Шелепин. — Какое у вас мнение?

— А какое мнение у ЦК комсомола? — поинтересовался кто-то из газетчиков.

— Конечно, у ЦК комсомола свое мнение есть, — сообщил Шелепин. — Мы склоняемся к кандидатуре Алексея Ивановича Аджубея. Но пока это ничего не значит. Вам работать с главным редактором, вам и решать.

Все молчали. Раньше таких вопросов никто не задавал.

— Я вижу, иных предложений нет, — констатировал Шелепин. — Что же — воля коллектива — закон...»

И этот так называемый «закон коллектива» восторжествовал немедля.

Это был первый маленький «дворцовый переворот», в длинной череде которых привелось затем участвовать Аджубею. Честь и совесть, конечно, пострадали. Но нельзя сказать, чтобы этот карточный финт нанес большой ущерб журналистике. Таланты как сравнишь? Но новый назначенец дал иной статус и иное общественное положение газете.

«Прочный тыл, — пишет Млечин, — позволял Аджубею делать то, что непозволительно было другим. Он мог позвонить тестю и по-домашнему представиться:

— Никита Сергеевич, это Алёша.

Присутствующие при разговоре испытывали непреодолимое желание встать и вытянуться в струнку... Но очень многое Аджубей делал на свой страх и риск».

У Аджубея после назначения главредом «Комсомолки» установились еще более тесные отношения с Шелепиным. Неукоснительно и деловито, впрочем, не без озорства и шуток, велось близкое приятельство и дружба домами. Через несколько месяцев Железный Шурик возглавил КГБ СССР (1958—1961). А затем курировал

спецслужбы через своих клеветников вроде В.С.Семичастного, занявшего после него кресло руководителя Лубянки. Не говоря уж о том, что управлял ими еще и с более высоких партийно-государственных постов до 1967 года.

Перед принятием важных решений Аджубей теперь зачастую старался запросить мнение или посоветоваться с Александром Николаевичем, учесть его точку зрения. Однако часто Шелепин был уклончив, суетлив и нерешителен. В историю он вошел как человек, отправивший в отставку Хрущёва, стремившийся стать во главе СССР, но правителем страны так и не ставший.

Однако же Шелепин по-настоящему влек Аджубея даже этими колебаниями, своей интеллигентностью и неординарностью поступков и мыслей, впрочем, ценил и долгое время делал ставку на Шелепина и сам Хрущёв. Альянс был вроде бы даже с благословения тестя. «Тестя, которого предстояло съести», — можно было бы написать языком старорусской летописи. Но тогда от этого отделяли еще годы и годы. Так что пока они близко приятельствовали, дружили. И в домах друг у друга не уставали бывать, по большим праздникам и именинам уж во всяком случае.

Журналист обращается в госдеятеля

Но вернемся к творческой биографии главного героя. Как журналист и управитель прессы Аджубей стал вскоре первым стремительным открывателем и живописателем, казалось бы, самых недоступных лиц, мест и исторических событий. Например, единственным советским журналистом, кто после победы кубинской революции и провала американского вторжения на Кубу имел закрытый доверительный разговор и одновременно взял большое интервью у президента Соединенных Штатов Джона Фицджеральда Кеннеди. Интервью, превратившееся в беседу двух самостоятельных и почти равноправных политических персон.

Для этого Аджубей тогда специально летал за океан с инструкциями и предписаниями, полученными от тестя. Событие это имело место осенью 1961 года. В следующем году были еще две на сей раз уже тайные заокеанские встречи Аджубея с президентом Кеннеди, секретные записи которых долго пребывали в закрытых фондах и опубликованы совсем недавно.

Но пока речь о первой их встрече в США. Об этом интересно вспомнить, тем более что отличная журналистская работа сопровождалась почти акробатическим трюком — исправлением собственного неуклюжего политического промаха недавней поры.

В январе 1959 года на Кубе к власти пришли партизаны Фиделя Кастро. Ввиду особой важности происходящего и для выяснения ситуации год спустя на остров решили откомандировать политразведчика — гибкого дипломата и увещателя А.И.Микояна.

«Накануне отъезда, — повествует С.Н.Хрущёв, — Микоян заехал на дачу к отцу. Гуляли гурьбой, с Анастасом Ивановичем приехал его сын Серго, из нашего семейства к компании присоединился Аджубей. Алексей Иванович рассказывал о недавней поездке Фиделя Кастро в Вашингтон на встречу с вице-президентом Никсоном. Достоверно никто ничего не знал, но подобный поворот событий очень обеспокоил отца. Аджубей, ссылаясь на сообщения американской прессы, убеждал присутствующих, что Кастро — американский агент, верить ему нельзя. А если и не агент, то плясать станет под дудку Белого дома. Отец и верил, и не верил... На самом деле в Вашингтоне Фидель занял жесткую, независимую позицию. По сути дела, сжег за собой все мосты».

Однако Алексей Иванович умел учиться на ходу. Как следует из записки Аджубея в ЦК КПСС, его встреча с президентом Кеннеди была сосредоточена на отказе

американцев от возможного повторного вторжения на Кубу. Свою легкомысленную «кубинскую ошибку» насчет Фиделя Кастро, над которой усмехался свояк-технар, он тогда более чем исправил.

Понятно, тропинки подъема в гору «короля журналистики» не были прямыми. Требовалось, прежде всего, полюбить и понравиться тестю. Головоломка не из простых. Ведь речь шла о человеке, простоватом внешне, но зорком и взбалмошном, пережившем и грозившую ему смерть от сталинского произвола, и искусы взлетов, ну и сам он многих отправил на тот свет. Это ему курительной трубкой в знак исторических назиданий стучал по голому черепу вождь, вдалбливал свои истины, а в минуты развлечений у того же Сталина в узком кругу наперсников это его, как паяца, заставляли перед всеми плясать гопака. Но Алексей Иванович нашел ходы к уму и душе тестя.

Незаменимость Аджубея Хрущёв во всей полноте открыл себе, когда тот организовал и обеспечил информационную кампанию вокруг его визита в Соединенные Штаты в 1959 году. Никто бы не сумел этого исполнить и организовать лучше. Сделано было вроде бы и по-свойски, по-партийному, когда испытанные наработки обеспечивали успех небывалому новшеству. Но с другой стороны, и по-современному, по-новому.

Поездка советского правителя в США в каком-то смысле была визитом не только столетия, но тысячелетия. Потому что ни один российский правитель, будь то царь, коммунистический вождь или иной полновластный владыка России, за этот бесконечный исторический срок подобный визит в Америку не совершал.

С современной точки зрения, книга «Лицом к лицу с Америкой» — о посещении Хрущёвым Соединенных Штатов Америки в 1959 году — конечно, крикливое, пропагандистское и глянцевое сочинение. Но вместе с тем оно отчасти открывало тогдашнему массовому советскому читателю живую повседневную реальность великой заокеанской страны, где проживают далеко не одни только акулы империализма.

Внешние условия для такой поездки сложились самые благоприятные. Президентом Соединенных Штатов тогда был Дуайт Эйзенхауэр. Полководец и герой Второй мировой войны, в досталь насмотревшийся на разрушения и бесконечные горы трупов недавней всечеловеческой бойни. Он искренне хотел замирения и взаимного безопасного существования с коммунистическим блоком. Случай для такой необычной попытки представился — и тысячекратным грехом было бы его упустить. Поэтому власти США сделали все, чтобы визит в США прошел максимально благоприятно и успешно.

Эту историчность и уникальность момента толково и верно распознал и оценил Аджубей, зоркий журналист и сообразительный начинающий госдеятель. И в книге, мыслительным и творческим центром по подготовке которой он стал, обильно и зачастую аналитически серьезно и красочно представлены реальные условия для сближения и взаимовыгодного существования двух мировых супергигантов противоположных социально-политических и экономических систем. В то же время в ней дают о себе знать иллюзии и утопии такого возможного будущего союзничества и сожительства. Правда, и сентиментальные выдумки не просто соседствуют, но нередко переселяются друг в друга. Политический репортаж как бы неразличимо соседствует с научной фантастикой и сентиментальной идиллией. Фантазии и туманные перспективы сливаются с реальностью.

Такова эта книга, названная шаблонно, однако же с наивной бесцеремонной дерзостью — «Лицом к лицу с Америкой».

С самим Аджубеем в это время стремительно совершались внутренние превращения. Вырастала и все больше давала о себе знать как бы вторая ипостась

личности. Рядом с журналистом нарождался, складывался и развивался в нем государственный чиновник, деятель госаппарата.

Как и подобает крупному чину этой формации, в неменьшей степени, чем содержанием книги, ведущий ее творец, судя по всему, был озабочен успехом предприятия. Визит был исторический. И наградной пирог поэтому тощим быть не должен. Какой, например? Ну, уж не меньше, чем Ленинская премия. Правда, за газетные труды Ленинские премии до сих пор не присуждались. Не было предусмотрено статусом. Ну что ж, премиальный статус не догма... Узаконим, если в соавторы подберется соответствующая команда. И негласный дирижер и усердный старатель Аджубей принялся за ее составление. Причем предложенный им надежный состав авторов особенно понравился тестю. Аджубей тут не просто угадал, но и угодил.

Вот она, эта верная испытанная когорта. Леонид Ильичёв, секретарь ЦК партии по идеологии, в будущем автор крылатой формулы о правлении Хрущёва — «*Великое десятилетие*», да к тому же еще и один из бывших главредов «Известий», должен присутствовать? Что за вопрос! Не говоря уж о том, что без него ни тпру, ни ну... Павел Сатюков, главный редактор «Правды», должен? Партийный орган правительственному не соперник, напротив, делаем общее дело. Все у нас пропитано партийностью! Вместе строим коммунизм. Олег Трояновский, помощник самого Никиты Сергеевича? Должен? Тем более что и помощник-то им уважаемый, любимый. Куда же без него?!

Список авторов по алфавиту открывает сам Аджубей, а за ним, тоже по алфавиту, следовали «автоматчики партии» — поэт и публицист Николай Грибачёв, международник Георгий Жуков и даже собкор «Правды» в Нью-Йорке Евгений Литовско... Как же иначе? Ведь и выдавать материю, двигать пером кто-то должен! Всего пятнадцать человек. Хозяев идеологии и умельцев пера. Глянцевый исторический фолиант должен стать образцом журналистики если не на века, то на десятилетия.

Прием, оказанный ему в Америке, и книга об этом приеме пришлось по душе и очень понравились Хрущёву. И он впервые по-настоящему пересмотрел свое отношение к зятю. Может, таких слов суровый правитель и не произносил. Но он чувствовать стал, что Аджубей ему нужен, Аджубей ему необходим, что это близкий ему человек.

Все оно так в этот год и вышло. Много было фанфар и бравурных маршей. Золотые медальки с ленинским барельефом все пятнадцать соавторов себе к пиджакам привинтили. А вот Аджубей, по законному праву, мог официально считаться теперь на обозримую пору уже не просто творческим лидером, но официально отмеченным лидером и патроном советской журналистики. Медальки лауреатов Ленинской премии остальные 14 человек тоже, конечно, носили. Но каждый из них занимался своим делом. А в журналистике впереди всех выступал теперь он, Алексей Аджубей. Это был как бы знак высшего должностного отличия, как символический жезл первого маршала. Фокус-покус удался. Сеанс закончен. Еще смелее можно было теперь шагать дальше. Обозначился стремительный взлет его карьеры. И нестись бы ей на той волне дальше.

Только жизнь, проклятая жестянка, она всегда подбросит какую-нибудь пакость. На сей раз этой арбузной коркой стал штатный сотрудник ЦРУ — американский летчик Пауэрс. В праздничный день 1 мая 1960 года на сверхнебесной высоте по спецзаданию ЦРУ он, уже не в первый раз, пересек воздушные просторы нашей страны со шпионскими целями, выискивал и засекал, что требовалось, сверхчувствительными приборами. Но высота в 20 километров на сей раз ему не помогла. Он был сбит в районе Свердловска и пленен. Не воспользовался защитой в воротник капсулой с ядом. Дал чистосердечные показания, все улики налицо. Разразился международный скандал небывалой силы.

Между тем 18 мая в Париже открывалась, возможно, историческая встреча глав четырех великих держав — СССР, США, Франции и Англии, которая должна была

рассмотреть проблемы дальнейшей разрядки международной напряженности. Перед открытием совещания Хрущёв потребовал от Эйзенхауэра, чтобы тот по крайней мере извинился за шпионский полет и сделал заверения, что ничего подобного впредь не повторится. Но при поддержке де Голля и Макмиллана Эйзенхауэр извиняться отказался, ссылаясь на свою доктрину «открытого неба», то есть по существу на право сильнейшего.

В этих условиях заниматься словопрениями о разрядке международной напряженности советский лидер считал бессмысленным. Совещание большой четверки сорвалось.

Это означало также, что полет Пауэрса автоматически торпедировал возможную вторую часть этого глянцевого труда — грандиозного публицистического замысла Аджубея — книгу «Лицом к лицу с СССР». Публицистическое запечатление намечавшегося ответного визита Эйзенхауэра в СССР. Теперь он состояться не мог. И первая часть выдающейся книги осталась без конца... А там уже не за горами был и Карибский кризис октября 1962 года, вызванный хитроумным решением Хрущёва сравнить силы — разместив на Кубе в двадцати милях от США советские ракеты с ядерными боеголовками. Земной шар тогда оказался на грани Третьей мировой войны... Кому вообще теперь было дело до вчера еще знаменитого фотофолианта?!

Однако для Аджубея было достигнуто главное. Он резко выдвинулся, а можно сказать и вырвался, вперед.

Вначале несколько лет Аджубей входил в узкую группу ведущих помощников и журналистов, готовивших речи и печатные выступления первого лица государства. Но после совместного лицемерия Америки Алексей Иванович, в понятиях тестя, вырос на глазах, обнаружив незаурядные дарования и таланты, обращаясь незаметно в главу личной его пресс-службы...

Из отнюдь не первостепенного члена семьи и изготовителя некоторых речей и документов для правителя страны, чем, помимо него, занимался целый штат сотрудников, не исключая даже людей с громкими именами, он обратился в особо доверенное лицо. Не только в точного и аккуратного исполнителя, но и в сообразительного и перспективного помощника. Да что там помощника — в советника, подсказчика, мыслителя, который может одновременно представлять главную персону за рубежом. Это не дается только милостью сверху, для этого надо иметь особые внешние и внутренние данные.

Негласная и подвижная доверенная чиновная тень, влиятельный человек-невидимка есть у многих президентов, правителей и управителей разных стран. Официальная должность называется по-разному, в зависимости от государственного устройства, национальных традиций и даже бытовых оборотов судеб: помощник, полномочный министр, посланец по особым поручениям, главный советник и пр. А тут он не назывался никак. Просто главный редактор правительственной газеты, а еще проще — *зять владыки*. И это почувствовали и уловили многие.

Аджубей был доверенным посланцем Хрущёва не только к президенту США Кеннеди, но, скажем, и к духовному владыке Запада Папе Римскому — Иоанну XXIII, подготавливая предполагавшийся визит Хрущёва в Рим-Ватикан. Исполнял и немало других важнейших и трепетных поручений.

Самые ответственные дела под конец правления Хрущёва не обходились без Аджубея. Первого журналиста страны он намечал сделать даже министром иностранных дел, тем более что занимавшим этот пост Андреем Громыко был резко недоволен.

За полтора десятилетия семейно-политических общений и близости с тестем «главный журналист страны» прошел серьезную школу в различных сферах государственного управления. И был готов к радикальным переменам рода занятий.

Накануне своего падения Хрущёв доверял зятю уже самые сокровенные государственные секреты, тайны и далеко идущие замыслы.

Таковы были, например, хрущёвские планы о своего рода многопартийной системе в СССР, правда, показной и мнимой многопартийности, куда карикатурней даже той, какой она была, например, в ГДР. Но все-таки... Пороки казенной централизации власти в одних руках Хрущёв понимал и в меру сил готовился такую централизацию умерить. Роившимися в голове замыслами он делился с зятем.

Происходило это, к примеру, во время совместной поездки в Скандинавию уже в самом конце его собственной карьеры — летом 1964 года. В норвежской столице Осло. Невольным свидетелем далеко идущего разговора стал тогдашний посол в Норвегии Н.М.Луньков.

С его слов Сергей Никитич Хрущёв рассказывает об этом событии в книге «Реформатор»: «Хрущёв прогуливался вместе с Аджубеем и Сатюковым вокруг королевской резиденции, где он размещался вместе с семьей. Мы с министром иностранных дел держались чуть поодаль. Громыко подтолкнул меня вперед, сказав, что посол должен находиться рядом с главой правительства, вдруг возникнут вопросы, касающиеся страны. Когда я приблизился, Хрущёв, продолжая разговор, обратился к своим собеседникам: "Слушайте, как вы думаете, что если у нас создать две партии: рабочую и крестьянскую?" При этом он оглянулся на Лунькова. Тот правильно истолковал этот взгляд и отстал. Пораженный услышанным Луньков тут же на ухо пересказал Громыко слова отца. "Да, это интересно. Но вы об этом никому не говорите", — осторожно порекомендовал Громыко».

Так что, помимо введенного им ограничительного срока на занятие высших выборных партийных постов (из-за чего, не стерпев выпадения из правящей номенклатуры — секретариата ЦК КПСС, предприняла первую попытку самоубийства будущий министр культуры Екатерина Фурцева), неумный реформатор Хрущёв обдумывал еще и введение двухпартийной системы.

Собственно, эта реформа в некоем карикатурном виде уже и пошла. Реальные обкомы партии были разделены надвое и действовали автономно — обкомы партии по промышленности и обкомы партии по сельскому хозяйству... Под дощечками со столь разными обозначениями те же партчиновники сидели в соседних кабинетах.

Помню, в качестве собкора «Литературной газеты» в Куйбышеве (Самаре) я по разным деловым надобностям в те месяцы навещался к тем и другим. Недавно уверенные начальники были в смятении. Время величайшей путаницы и неразберихи.

Между тем Аджубей как рачительный хозяин, пользуясь любой подвернувшейся малостью и любой возможностью, неустанно перестраивал и укреплял собственное журналистское княжество, затем королевство, а потом уже... тянулся до империи.

(Продолжение в следующем номере)